
ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

КУЛЬТУРНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ КАК СИМПТОМ/ПРИЧИНА/ СЛЕДСТВИЕ ЗАКАТА ЕВРОПЫ

Торосян В. Г.*

Обращаясь к работе О. Шпенглера, известной у нас как «Закат Европы», напомним, что Шпенглер отсчитывает этот закат с начала XIX в., а кульминацию его относит к рубежу XX–XXI вв. В статье обращается внимание, что начало XIX в. ознаменовалось кризисом и фактическим провалом крупнейшего европейского проекта – Просвещения, а начало XXI в. – проекта единой мультикультурной Европы. Различие, однако, в том, что тогда доминирующей была позиция европоцентризма, а сейчас, напротив, происходят размывание европейской идентичности и фактическая культурная капитуляция Европы. Это в равной мере и симптом, и причина, и следствие весьма разрушительного процесса.

Ключевые слова: «Закат Европы», европоцентризм, мультикультурализм, культурно-цивилизационные разломы, культурная капитуляция.

Turning to the work of Oswald Spengler, namely, “The Decline of Europe”, the author recalls that Spengler counted the sunset from the beginning of the nineteenth century and related its culmination to the turn of the twentieth and twenty-first centuries. The article points out that the early nineteenth century was marked by the crisis and the actual failure of the largest European project – the Enlightenment, while the beginning of twenty-first century by the failure of united multicultural Europe. The difference, however, is that in the former case the position of Eurocentrism was dominant, and now, on the contrary, there is a blurring of the European cultural identity and the actual cultural surrender of Europe. This, in equal measure, is a symptom and a cause and a consequence of a very destructive process.

Keywords: “Untergang des Abendlandes”, Eurocentrism, multiculturalism, cultural and civilizational fracture, cultural capitulation.

В своей знаменитой работе, известной у нас как «Закат Европы», Освальд Шпенглер отсчитывал этот закат с начала XIX в., а точку наибольшего сгущения относил к рубежу XX–XXI вв. Нелишне при этом вспомнить, что в оригинале она называлась “Untergang des Abendlandes”, то есть «Закат вечерних стран», тем самым имелась в виду западная цивилизация в целом, включая мощную и стремительно восходящую Америку. Нелишне вспомнить и то, что указанный труд пи-

---

* Торосян Вардан Григорьевич – д. ф. н., профессор кафедры теории и истории культуры Краснодарского государственного института культуры. E-mail: torosyan5@mail.ru.

сался в годы Первой мировой войны, своеобразной кульминации кризиса империализма. Конечно, автор не мог предвидеть конкретных событий, например Великой депрессии, потрясшей всего лишь десять с небольшим лет спустя ту же Америку, как и не мог быть оракулом в предсказании даты Второй мировой войны, неизбежность которой была для него очевидна, потребовав, кстати, немалой изобретательности для отказа от сотрудничества с фашистским режимом.

Человечество, пережившее с тех пор несколько серьезных, хотя и разного рода, потрясений и вступившее в эпоху перманентного кризиса, в большинстве своем видит его экономические проявления, радуясь признакам роста производства и не задумываясь о том, что рост производства неизбежно порождает проблему роста потребления. Дотошные социологи подсчитали, что лишь 4 % ведущих фирм вкладываются в действительные инновации, остальные же – не в производимую продукцию, а в ее продвижение на рынок, проще говоря, рекламу [Наука... 2015: 26].

Между тем наиболее «вредная», а проще – наиболее критично мыслящая часть человечества, философы, давно уже предупреждает, что в основе любых кризисов лежит кризис культуры, а кризис экономический – лишь вершина айсберга, конечно, особенно заметная.

И сегодня вполне актуально наблюдение того, что именно экономический кризис люди «ощущают на своей шкуре (а у большинства шкуры чувствительнее духа, и с этим ничего не поделаешь)». Автор этого наблюдения, Йохан Хейзинга, в 1935 г., когда в Германии, стране величайшей культуры, всюду разворачивался фашизм, написал книгу с характернейшим названием – «В тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашей эпохи». Глава I «В ожидании катастрофы» начинается словами: «Мы живем в мире одержимости. И мы это знаем... Ни для кого бы не было неожиданностью, если бы однажды безумие вдруг прорвалось в слепое неистовство, которое бы оставило эту бедную европейскую цивилизацию оцепенелой и умоисступленной, ибо моторы продолжали бы вращаться, а знамена – реять, но человеческий дух исчез бы навсегда» [Хейзинга 1992: 246].

Й. Хейзинга продолжает: «Мы воочию видим, как шатается все то, что казалось прежде незыблемым и священным: истина и человечность, право и разум. Мы видим, как перестают функционировать государственные институты, хиреют производственные системы. Мы видим, как продолжают отчаянно работать входную производительные силы» [Там же].

И тут же он говорит: «Но здесь тотчас же напрашивается противопоставление. Никогда прежде человек не осознавал столь же ясно, как теперь, повелительную необходимость сообща трудиться над сохранением и совершенствованием земного благополучия и культуры... Если эта цивилизация будет спасена, если она не потонет в веках варварства, но, сохранив свои высшие ценности, доставшиеся ей по наследству, перейдет в обновленное и более прочное состояние, тогда совершенно необходимо, чтобы ныне живущие отдавали себе отчет в том, насколько далеко зашла угрожающая этой цивилизации порча» [Там же].

С полным правом относя эти мысли к нашему времени, можно усмотреть некоторые общие признаки кризиса Европы в его начале, по Шпенглеру, и сегодня. Начало XIX в. – это прежде всего кризис в области культуры (при всех выдающихся достижениях в различных областях), а именно – провал программы Просвещения, этого сугубо европейского проекта, который не только не распространился за пределы Старого Света, но и в самой Европе не оправдал связанных

с ним надежд. Последние струйки Просвещения усыхают с походами Наполеона, в котором лишь поначалу могли узреть «шествование по земле мирового духа» (Гегель) и хотели посвятить ему «Героическую симфонию» (как намеревался Бетховен). «На всем девятнадцатом веке лежит горькая печать тяжкого трудового дня», – констатировал уже из века двадцатого младший современник Шпенглера Х. Ортега-и-Гассет, во многом, как и он, вышедший из «философии жизни».

На рубеже XX–XXI вв. все чаще стали вспоминать суровую критику социально-культурной ситуации в Европе XIX в., высказанную с различных, но взаимодополняющих позиций мыслителями того же века – К. Марксом, Ф. Ницше, Н. Я. Данилевским, Г. Риккертом. О «нечеловеческих, поработающих потребностях», об отчуждении людей писал уже тогда К. Маркс, и чем дальше, тем больше мы ужасаемся глубине его прозорливости, живя в эпоху тотального консюмеризма, трансформирующего индивидов в «дивиды» (З. Бауман), разобренных и разделенных компьютерными столиками. Маркс писал и о неизбежности глубочайших кризисов капитализма, что не послужило предостережением для стран «золотого миллиарда», которые к концу XX в., после окончания холодной войны, готовы были поверить в «конец истории», то есть в неизбежность ее подчинения единому стандарту. Неслучайно сразу после кризиса, потрясшего мир в 2008 г., тиражи книг К. Маркса удвоились и утроились прежде всего на его родине, флагмане «единой Европы». Ирония судьбы – у нас, где особым образом понятый марксизм был официальной идеологией, вскоре после развала советской системы произведения Маркса исчезли не только из магазинов, но даже из библиотек, и только сейчас возникла необходимость и возможность перечитать его вновь.

О «смерти бога» писал Ф. Ницше, «философ нелицеприятных истин», замечая, что наиболее аморальные действия, как правило, обосновываются/оправдываются с позиций высокой морали (как это актуально и сегодня!). «Вся наша европейская культура <...> как бы направляется к катастрофе» – это написано задолго до «Заката Европы». Суровый пророк Ницше предсказал, что в XX в. пойдет борьба за мировое господство – и пойдет она под знаменами основоположников философских учений. Мало кому из философов так не повезло, как Ницше и Марксу, чьи имена и оказались на знаменах тоталитарных режимов XX в.

Европа XIX в. продолжала колонизацию всего мира, сочетая с военно-политической и экономической экспансией еще и культурный империализм. Его опасность (как для колонизируемых, так и для колонизаторов) была замечена уже тогда. (Впрочем, можно вспомнить и тот урок, который получил в Индии Александр Македонский, признавший, что эта страна не нуждается в его культуртрегерской миссии.) Примечательно, что об опасности европоцентризма, «насилственности энергетического характера романо-германских народов» писал не только русский историк Н. Я. Данилевский, но и немецкий философ Г. Риккерт, замечая, что притязания той или иной культуры на исключительность, попытки навязать свои ценности всему человечеству обедняют саму эту культуру, лишают ее притока свежей крови. Данилевский, не соглашаясь с тем, что прогресс – свойство именно европейской культуры, а застой – азиатской, рассматривает и прогресс, и застой как «характеристические признаки того возраста, в котором находится народ» [Данилевский 1991: 75]. «Народу одряхлевшему, отжившему, свое дело сделавшему и которому пришла пора со сцены долой, ничто не поможет,

совершенно независимо от того, где он живет – на Востоке или Западе. Всеми живущему... дается только известная сумма жизни, с истощением которой оно должно умереть» [Данилевский 1991: 74]. Это очень серьезное наблюдение-предупреждение.

В книге «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский, выделяя различные культурно-исторические типы, замечает, что воздействие одного типа на другой еще не есть передача культурного наследия, хотя возможны «прививки», когда один культурно-исторический тип «приносится в жертву другому». Возможны также случаи, когда, сохраняя свою самостоятельность, определенный тип культуры служит материалом для органичного строения нового типа, служа «удобрением» для этого.

Важное условие цивилизационного расцвета, полноты жизни и подлинного развития – в разнообразии состава народов, входящих в данный тип. Период «цивилизации» крайне короток, после чего наступает период застоя, иссякания творческой активности, «апатии самодовольства» (современный Данилевскому Китай) или «апатии отчаяния» (Рим).

О том же писал О. Шпенглер, располагавший новыми фактами, подтверждающими концепцию Н. Я. Данилевского (независимо от того, был ли он с ней знаком). «Безрадостной картине линейной всемирной истории» (предполагающей европоцентристскую модель. – В. Т.) он противопоставлял «настоящий спектакль мощных культур», с первозданной силой развивающихся из лона материнского ландшафта, к которому каждая из них строго привязана всем ходом своего существования, чеканя на своем материале – человечестве – собственную форму и имея каждая *собственную* идею, *собственные* страсти, *собственную* жизнь, волеия, чувствования, *собственную* смерть» [Шпенглер 1993: 151].

Культура – «нечто, лежащее между жизнью и смертью», как пишет Шпенглер, «противостоящее им, но и объединяющее их». Со временем «жизнь» как источник творческой энергии омертвляется, и тогда инстинктивный импульс к действию превращается в разумно рассчитанное удовлетворение потребностей, творческое горение духа застывает в законченных, неподвижных, приобретающих конкретную цену продуктах творчества. Это и есть цивилизация, окостеневшая мумия культуры, ее «самые крайние и самые искусственные состояния». Они – завершение, они «следуют за становлением как ставшее, за жизнью как смерть, за развитием как оцепенение». Произведения искусства, научные достижения, культурные символы, конечно, не погибают, они остаются, но жить они могут только в душах людей, наполненных смыслами и ценностями данной культуры [Там же: 164].

При самых различных взглядах на соотношение культуры и цивилизации можно заметить, что в периоды относительно устойчивого состояния общества эти понятия сближаются (в начале эпохи Просвещения они и вовсе отождествлялись. – В. Т.) – прежде всего в сознании современников, а затем и последующих поколений, в эпохи же разлада, развала, деструкции больших социально-исторических систем налицо расхождение (и даже противоречие) между цивилизационными и культурными регулятивами и моделями деятельности, ведущее к социально-политическим стрессам, кризисам и даже исчезновению данной социально-исторической общности [см.: Ракитов 1999: 17]. Замечено и то, что культура изменяется в течение долгого времени, цивилизационные же стандарты и нормы – быстро. Каждая культура имеет своеобразный защитный пояс, тем не менее

противостояние культуры и цивилизации может приводить к крайне серьезным напряжениям и последствиям, в том числе и для культуры. Речь должна идти не о выборе между культурой и цивилизацией, а о трансформациях, снимающих эти напряжения и приводящих их в соответствие.

Не ставя целью вступать в бесконечную дискуссию о соотношении культуры и цивилизации, воспользуемся относительно недавно появившимся понятием «культурно-цивилизационные системы» [Чумаков 2006: 377], исходящим из того, что культурную составляющую фактически уже невозможно отделить от цивилизационной, и наоборот. Как замечает при этом А. Н. Чумаков, если в понятии «культура» акценты смещаются в сторону состояния, то термин «цивилизация» акцентирует внимание на отношениях. Вместе с тем культура – это как бы внутренняя характеристика общества, а цивилизация характеризует общество с точки зрения форм его управления, функциональных связей и отношений [см.: Он же 2015: 41]. Таким образом, в рамках одной цивилизации могут оказаться государства с различной культурой, как, например, в Европе.

Тому же автору принадлежит интересное наблюдение, касающееся стыков культурно-цивилизационных систем, которые можно сравнить с тектоническими разломами в земной коре, когда соприкосновение литосферных плит приводит к землетрясениям [Там же: 43–44]. Именно это происходит сегодня при соприкосновении/столкновении западноевропейской культурно-цивилизационной ойкумены с примыкающими к ней североафриканской, ближневосточной, а в определенной степени и восточноевропейской [Там же].

Особенно остро это стало ощущаться в связи с небывалым наплывом в Европу мигрантов, принявшим характер стихийного бедствия и фактически обнажившим давно наметившийся если и не провал, то, во всяком случае, серьезнейший кризис грандиозного проекта, во многом сопоставимого с проектом Просвещения, а именно – единой Европы. Вспомним, кстати, что идея единой Европы, в некотором смысле Соединенных Штатов (государств) Европы, возникла (и вовсе не случайно) в эпоху Просвещения, ее весьма убедительно обосновывал И. Кант.

Могло показаться, что этот проект наконец реализовался, пусть и два столетия спустя. Прошло, однако, свыше двадцати лет со дня официального создания Евросоюза в 1993 г., но Европа так и не стала единой, и, как, видимо, приходится признать, не могла стать таковой. На территории Евросоюза проживают народы с серьезными различиями в истории, культуре, традициях, менталитете, слишком разным уровнем экономики обладают входящие в него государства. Особенно ощутимо это сказалось с введением единой евровалюты. Отмечая его как праздник, жители европейских государств в самом ближайшем времени заметили, что это привело к резкому росту цен в странах с более слабой экономикой, даже таких достаточно благополучных, как Италия, Испания, Кипр. Особые опасения (как видим, вполне обоснованные) изначально вызывало вхождение в зону евро Греции. Решающим, однако, оказался аргумент в пользу того, что Греция – колыбель европейской демократии. (В этой связи вспоминаются тщетные попытки участников Всемирного философского конгресса, прошедшего в 2013 г. в Афинах, обнаружить там хотя бы следы Академии Платона.)

Изддержки столь трепетного отношения к европейской демократии и «европейским ценностям», почему-то не вполне разделяемого за пределами Европы, да и в ней самой, становятся все более болезненными. В той же Греции, наиболее

слабом звене экономики Евросоюза, не только продолжают свято соблюдать трехчасовой дневной отдых (так же как в Испании и Италии), но говорят об этом с гордостью как о важном элементе национальных культурных традиций. При этом даже на официальном уровне озвучивается мысль, что если государственные лидеры Евросоюза желают его сохранить, пусть они и «вытягивают» греческую экономику. При этом приводится вполне серьезный аргумент: при вступлении в Евросоюз Грецию буквально вынудили в значительной степени свернуть свое сельское хозяйство, действительно с уходящими в глубину веков традициями. В условиях весьма жестких требований, предъявленных к Греции лидерами Евросоюза и Международным валютным фондом, всплыло даже требование компенсировать убытки, нанесенные Греции немецкой оккупацией в ходе Второй мировой войны. Греческие демонстранты не отказали себе в удовольствии встретить канцлера Германии фрау А. Меркель баннерами с ее изображением на фоне свастики.

Да и в самой Германии давно уже, и до мирового экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., и задолго до нашествия мигрантов, складывалось все не так гладко. Там до сих пор не преодолен раскол между Восточной Германией (бывшей ГДР) и Западной, фактически вобравшей ГДР в свой состав. Граждане бывшей Германской Демократической Республики тоскуют о социальных гарантиях, которые они имели до того, жители Западной Германии, в свою очередь, считают их нахлебниками, которых они вынуждены подтягивать до своего уровня зарплат и пенсий – при развалившейся экономике, с которой они пришли. Шокирующими оказались результаты социальных опросов, проведенных авторитетным журналом «Штерн»: через 15 лет после падения Берлинской стены каждый пятый немец не возражал бы против ее восстановления, а каждый восьмой готов для этого даже платить дополнительные налоги [Виллегас 2004].

Весьма серьезные центробежные процессы происходят сейчас и внутри других государств Европейского союза, где более богатые регионы требуют выделения в отдельные государства. Никак не удается справиться с сепаратистскими настроениями в Каталонии, наиболее экономически развитой области Испании с весьма специфическими культурными особенностями, давно ощущающей себя государством в государстве, заявляющей о нежелании «кормить всю Испанию». С трудом в результате референдума, с незначительным перевесом голосов, удалось предотвратить выход из Объединенного Королевства Шотландии. Конечно, здесь важное место имел фактор «торга», приобретения дополнительных преференций внутри Великобритании. Вполне логично, что тем же путем пошла уже Великобритания, выставившая свои требования Евросоюзу с угрозой выйти из него. С другой стороны, в целях вхождения в Евросоюз разыгрывают антироссийскую карту Украина и Турция, в отношении которых дело не идет дальше туманных обещаний и вполне отрезвляющих предупреждений о реальном положении дел. Многие европейские государства уже познали цену подобным обещаниям, ничего не получив после многих уступок – кроме новых требований.

Ситуация в современном мировом и, конкретно, европейском раскладе вполне укладывается в модель фон Неймана, разработанную в теории игр и вполне применимую к политике. В либеральных моделях экономики господствовало представление, что общественное благо максимизируется, если каждый член общества действует, исходя из максимизации собственного блага. Фон Нейман

на основе математических расчетов показал, что общественное и индивидуальное благо максимизируется только тогда, когда каждый из членов сообщества действует, исходя не только из собственных интересов, но и интересов группы в целом (на примере «дилеммы заключенных» [см.: Хорошее... 143–144]). На международном уровне главы государств, выступая как неймановские игроки, могли бы договориться и сделать взаимный «дружественный» выбор (пусть и с некоторыми уступками на текущий момент) для обеспечения итоговой выгоды всех игроков. Однако вмешивается еще один план игры – внутренний. Политик играет еще и на рынке «внутренних симпатий». Если население той или иной страны считает, что незачем торговаться, когда нам и так все принадлежит «по праву», то политики, пошедшие на уступки (даже взаимные), никогда не будут пользоваться поддержкой – тем более если уступка оказалась односторонней, как это было с М. С. Горбачевым.

Еще в конце XIX в. Э. Дюркгейм писал о ситуации утраты ценностей как *аномии* – потере норм, рассматривая ее как «ситуацию накануне самоубийства». В развернутой характеристике аномия – это «состояние индивидуального и общественного сознания, характеризующееся разложением системы ценностей, обусловленным кризисом общества, противоречием между провозглашаемыми целями и невозможностью их реализации для большинства; проявляется в отчуждении человека от общества, апатии, разочарованности в жизни, преступности» [Новый... 2012: 80].

К концу XX в. аномия захватила значительную часть мира, в первую очередь посткоммунистического. Как заметил Р. Дарендорф, здесь аномия (отсутствие или рассогласование норм) пришла на смену гиперномии – сверхнормированности, присущей коммунистическим режимам [Дарендорф 1994]. Неизбежным образом «социально признанные значения» рассредоточились по разным слоям общества, формируя противостоящие друг другу ценности и отсутствие общих ценностей. Это создавало уже не раскол, а расколотость на кусочки.

В значительной степени этот процесс оказался характерным для Европы – по мере роста благосостояния входящих в Евросоюз государств, сменившись полной растерянностью после испытаний, выпавших на их долю уже в самые последние годы. Совершенно тупиковой оказалась ситуация с мигрантами, существующая уже очень давно, но разорвавшая все границы (в буквальном и переносном смысле) в конце 2015 – начале 2016 г. и ставшая суровым испытанием не только (и даже не столько) для европейской экономики, но и для европейской демократии.

Миграция в Европу, Германию и Францию, начавшаяся в 70-х гг. прошлого века – из Турции, бывших французских колоний Северной Африки, – была равномерной, контролируемой и даже управляемой. Более того, она была инициирована сытой Европой, которая с удовольствием принимала эмигрантов из бедных стран (Германия – из Турции, Франция – из Северной Африки) – некавалифицированную рабочую силу, готовую работать там, где европейцы не хотели: мусорщиками, чернорабочими и т. д., даже за такую работу получавшую зарплату, не сравнимую с той, на которую можно было рассчитывать в своей стране.

Прошло время, у эмигрантов родились и подросли дети (как правило, это многодетные семьи). Далеко не все воспользовались возможностями учебы, приобретения профессии, адаптации к новой для них культуре, которые предостави-

ли им принявшие их государства, нередко даже в ущерб и на зависть местному населению. Многократно возросшего количества мусорщиков и чернорабочих Европе уже не требовалось, а без образования ничего другого не оставалось. Какая-то часть, получив образование, продвинулась и проявила себя (известно, например, какой вклад внесли в математику и компьютерные технологии выходцы из Индии), но очень многие пополнили ряды безработных, преступников, предпочли иждивенческий образ жизни. И даже это могло быть преодолимо, но очень многие попросту не захотели адаптироваться к культуре стран, где они живут. Часто живя целыми анклавами, составляя большинство населения в тех или иных районах, они даже пытаются навязать привычные им представления и привычки местному населению. Так, с недавних пор на улицах некоторых районов Лондона, традиционно одного из самых спокойных и доброжелательных городов мира, появились «шариатские патрули», которые заставляют молодых людей, не вписывающихся в угодный им дресс-код, сменить одежду или просто прогоняют с улиц, отбирают у них вещи, с какими «не положено» появляться на улице (в свое время подобным образом у нас происходил отлов «стиляг»).

До поры до времени европейцы чувствовали себя хозяевами, готовыми «прикрыть полый своего плаща» (как в библейской истории) озябшего, помочь тому, кто нуждается в помощи, с образованием, выбором профессии и т. д. Они были убеждены, что в случае чего могут сделать внушение не в меру расшалившимся детям. В сложившейся ситуации Европа (так же как Америка), следуя исторически сложившейся идее мультикультурализма, попыталась найти выход в *гипертрофированной политкорректности*. Так, президент США в традиционном рождественском обращении к нации поздравляет сограждан «с праздником», избегая слова «Рождество», чтобы не оскорбить представителей нехристианских культурных традиций (особенно мусульман), хотя таковые уже веками живут в Америке, а многие празднуют этот день так же, как, скажем, День Благодарения, совершенно не связанный с религией. Жители пригорода Брюсселя из тех же соображений политкорректности принимают решение не устанавливать на площади новогоднюю елку, чтобы не обижать (не раздражать) мусульман (которые, кстати, с размахом отмечают свои праздники даже в европейских городах, включая Москву).

Стюардессу British Airways и лондонскую медсестру увольняют с работы за ношение крестиков, и если первой удастся оспорить это решение через Европейский суд, то у медсестры ничего не получается, так как крестик признан потенциально опасным для больных, словно не было тысяч сестер Красного Креста. Увольняют с работы человека (кстати, чернокожего – невзирая на политкорректность), сказавшего, что он не осуждает однополые браки, но и не одобряет их. Это значит, что при приеме на работу все претенденты должны давать подписку о горячем одобрении однополых браков и, возможно, скрывать свой традиционный брак. Может быть, придется проходить проверку на детекторе лжи в доказательство своей глубокой религиозности. Как же подобная политкорректность согласуется со свободой совести, провозглашенной в Декларации прав человека?

Как тут не согласиться с мнением о том, что подобная «дозированная демократия» выступает как весьма опасная форма тоталитаризма [Мионов 2012: 31]. Дьявол, как известно, кроется в нюансах. В свое время на страницах этого же журнала я поделился наблюдением о том, что в гипертрофированной политкорректной осмотрительности угадывается плохо скрытое высокомерие, снисхожде-

ние как к людям низшего сорта по отношению к тем, чьи чувства – национальные, религиозные, расовые, гендерные – никоим образом нельзя задевать, подобно тому как в присутствии хромых или горбачих не положено обсуждать подобные физические недостатки [Горосян 2012: 116]. Получилось, однако, так, что ради того, чтобы гости не чувствовали себя ущемленными, хозяева перестали ощущать себя хозяевами. Это понятно, объяснимо и оправданно, когда в гости приезжают люди того же воспитания, тех же культурных традиций, что и хозяева, не позволяющие злоупотребить оказанным им гостеприимством, не относящиеся к хозяевам сугубо потребительски: теперь уже не хозяева к гостям, а гости к хозяевам относятся как к обслуге!

Именно так происходит в сегодняшней Европе. Не признавая этого, руководители лидеров Евросоюза ощущают свою вину в возникновении теперь уже неуправляемого потока беженцев из Северной Африки и Ближнего Востока, ставших жертвами «революций» самых различных цветов и запахов. Но почему за это должны расплачиваться рядовые граждане, у которых отбирают дом, аренду которого они исправно оплачивали из поколения в поколение, чтобы поселить там непрошенных гостей, граждане, которым предлагают не посещать бассейн, опять же бесплатный для переселенцев, чтобы не смущать их принятыми в Европе купальниками и не стать объектами сексуальных домогательств и даже изнасилований со стороны «людей, похожих на мигрантов», как в Кельне и других городах Германии в новогоднюю ночь? И как расценить реакцию на это бургомистра Кельна, женщины, обвинившей в этом самих немцев, слишком весело и непринужденно, по чьим-то понятиям, празднующих Новый год? Что бы она сказала, если бы в такой ситуации оказалась она или ее дочь? Представим на минутку, какой бы поднялся всеевропейский шум, если бы даже в обычной уличной стычке или какой-либо иной выходке оказался замеченным россиянин. Немецкие полицейские в соответствии с высокими инструкциями не решаются задержать людей, которые в вагоне метро избili пожилую пару, сделавшую замечание слишком агрессивным молодым людям, – «полицейские этого не видели». Благовоспитанные немцы, готовые донести на соседку (ничего личного!), чья собака справила нужду в неположенном месте, стыдливо отворачиваются, когда то же самое делают «гости».

Из каких бы пустынь те бы ни прибыли, трудно поверить, что эти люди ничего не понимают. Теперь они не в пустыне, и нельзя мочиться в детской песочнице, а тем более в вагоне метро (был зафиксирован и такой случай). Что будут делать политкорректные городские власти, когда растущее глухое раздражение коренных жителей выплеснется в жестокие столкновения? А именно в них готовы вылиться многочисленные демонстрации (вот их полиция контролирует). Жертвами растущего недовольства неизбежно станут действительно несчастные и обездоленные, потерявшие кров беженцы, а не проникшие вместе с ними криминальные элементы и даже воспользовавшиеся лазейкой террористы. Не случайно стали закрывать свои границы многие европейские государства, и в первую очередь в Восточной Европе – Чехия, Словакия, Венгрия, Польша, республики бывшей Югославии, не успевшие еще проникнуться политкорректностью в угрожающих здоровью формах. Решительные шаги предприняли даже Австрия и Великобритания, вопреки призывам к «европейской солидарности».

Конечно, Европа весьма озабочена демографическими проблемами – рождаемость там достигла критических значений, приводя к неуклонной убыли населения. Однако его прирост никоим образом не может быть сопряжен с подавлением европейской культуры и культуры как таковой. В свое время ливийский лидер Муаммар Каддафи предсказал, что в случае нарушения стабильности в Ливии и других государствах Северной Африки и Ближнего Востока Европа будет захлестнута потоком мигрантов: «Похоже, Аллах подарит мусульманам победу без мечей, оружия и завоеваний... Не нужны террористы, не нужны смертники, всего лишь через 20 лет десятки миллионов мусульман в Европе превратят ее в мусульманский континент» [цит. по: Елисеев 2016]. Каддафи был зверски убит, по указанным государствам прокатилась волна явно срежиссированных по сходным сценариям «революций», поток хлынул. Дело не в мусульманах как таковых, а в том, какие струи оказались вовлечены в этот поток. Мусульманские сообщества существуют в Европе уже многие столетия – как европейские мусульмане. Известно и о том благотворном влиянии, которое оказала на ту же Испанию и остальную Европу культура ислама в период ее своеобразного Возрождения. В испанской Кордове по сей день существует и функционирует *meskita-cathedral* (мечеть-собор), где под одной крышей проходят и христианские, и мусульманские службы.

В свое время гипертрофированное чувство вины за преступления, совершенные нацистами, привело многих родственников Гимmlера, Геринга и других фашистских бонз к решению о добровольной стерилизации. Не обсуждая оправданность такого решения, приходится констатировать, что Европа в некотором смысле вступила на путь культурной стерилизации: *из одной крайности культурного империализма (европоцентризма) в противоположную – отказа от собственного лица, собственной культурной идентичности, к фактической культурной капитуляции*. Уроки истории говорят о смертельной опасности такой позиции для сколь угодно крупных государств и даже империй. Известно, что в пламени исторических потрясений уцелели те народы и государства, которые сумели сохранить свою культуру, традиции, естественным образом обогащая их во взаимодействии с другими культурами. Об этом особенно следует помнить в современном многополярном, многовекторном мире.

Сейчас очень много пишут о необходимости диалога культур, об этом говорится и в весьма серьезных международных документах. Здесь, однако, требуется уточнение. Диалог культур – метафора, подобная понятию «дружба народов», очень популярному в советскую пору. Дружат не народы, «стенка на стенку», а конкретные люди, у которых различие национальностей не может препятствовать нормальному человеческому общению. И здесь мы вновь обращаемся к понятию культуры. Речь в таком случае идет о культуре отношений, уважении к человеку и его правам, ощущению того, что ты живешь в обществе и должен с этим считаться – и это должно происходить не под принуждением, а как естественная потребность. Все это можно обозначить хорошо знакомым понятием «цивилизованность». Цивилизованность в отношении к иным культурам – одно из величайших достижений европейской культурной истории, но никому из великих просветителей не пришло бы в голову, что европейцы во имя высоких идеалов могут так нецивилизованно отнестись к собственной культуре, поступиться ею. Приток свежей крови в «дряхлающую старушку Европу» (так ее охарактери-

зовал не кто иной, как римский папа) в той форме, как он происходит, чреват размыванием европейской культуры, и вовсе не в отдаленном, а самом ближайшем будущем, подтвердив сценарий Шпенглера. «Кто не заботится об отдаленном будущем, получит большие проблемы в самом ближайшем» (Конфуций).

Литература

Виллегас Е. 15 лет без стены прожили немцы – и успели по ней соскучиться // Российская газета. 2004. № 3627. 12 ноября.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.

Дарендорф Р. Письмо польскому другу // Путь. 1994. № 3.

Елисеев И. Мечеть Парижской Богоматери. К 2050 году Европа может превратиться в мусульманский континент // Российская газета – Неделя. 2016. 11 февраля.

Мионов В. В. Глобализация и угрозы унификации // Век глобализации. 2012. № 1. С. 20–33.

Наука, технология, человек. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 2015. № 9.

Новый энциклопедический словарь. М. : РИПОЛ классик, 2012.

Ракитов А. И. Наука, технология, культура в контексте глобальных трансформаций и перспективы устойчивого развития России // Наука, технология, культура. Глобальный процесс и проблемы России. М. : ИНИОН, 1999.

Торосян В. Г. К вопросу о толерантности в современном мире // Век глобализации. 2012. № 1. С. 115–118.

Хёйзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М. : Прогресс-Академия, 1992.

«Хорошее общество». Социальное конструирование приемлемого для жизни общества. М. : ИФРАН, 2003.

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст. М. : Канон+ Реабилитация, 2006.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы в глобальном мире // Век глобализации. 2015. № 2. С. 35–47.

Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993.